

*Комаров И. М.,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминалистики
Белгородского государственного университета*

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВЕРСИИ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В настоящей статье дается краткий теоретический анализ основных этапов развития криминалистического учения о версии предварительного расследования преступлений, рассматривается вопрос о версии следственного действия в качестве одного из способов решения следователем его (следственного действия) тактических задач.

Ключевые слова: криминалистическая версия, следственное действие, предварительное расследование, ситуация следственного действия, оценка условий, планирование, криминалист.

Постановка проблемы и анализ последних исследований. Начало разработки учения о криминалистической версии и планировании расследования преступлений и судебного разбирательства по уголовному делу отечественная криминалистика связывает с именем В. И. Громова. В специальной литературе советского периода первые рекомендации по планированию расследования и построению умозаключений при работе с доказательствами были сделаны Н. В. Крыленко «Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений)». Термин версия, по нашим данным, впервые был употреблен авторами учебника по криминалистике 1935 года. Они не рассматривали логическую природу версии и ограничивались указаниями на то, что версии лежат в основе плана расследования и выдвигаются на втором этапе расследования — после проведения первоначальных следственных действий, если с их помощью следователь «все же не получает определенных указаний о личности и местонахождении преступника» [1, 141]. По мнению авторов учебника, перечень следственных действий, необходимых для проверки версии, образует собой план расследования [1, 143]. В учебнике криминалистики 1938 года раздел «Планирование расследования» принадлежит перу С. А. Голунского. В нем он привел рекомендации, связанные с умением пользоваться версиями расследования. Однако учебники криминалистики и другие криминалистические исследования указанного периода не содержали определения

понятия версии. Первое определение было дано Б. М. Шавером и выглядело следующим образом: «Под версией понимается основанное на материалах дела предположение следователя о характере расследуемого преступления, мотивах, в силу которых оно совершено, и лицах, которые могли совершить преступление» [2, 76]. Следуя традициям первого периода развития советской криминалистики Б. М. Шавер рассматривал вопросы, относящиеся к основаниям и содержанию версии, в неразрывной связи с рекомендациями по планированию расследования и считал разработку версии началом составления плана расследования. Послевоенные работы криминалистов продолжили исследование вопросов связанных с версиями в контексте планирования предварительного расследования преступлений. Так, Т. М. Арзуманян определил версию как основанное на фактах предположение следователя, исследование которого может обеспечить раскрытие преступления и изобличение преступника [3, 115]. Значение версии для предварительного расследования преступлений в середине 50-х годов привлекло внимание и ученых уголовно-правовой специализации. В этой связи А. А. Пионтковский писал: «Вызывает сомнение и обычное рассмотрение в криминалистической литературе вопроса о построении версии среди других вопросов планирования следствия. Хотя планирование тесным образом связано с выдвижением версии, однако по своей природе выдвижение следственных версий как орудия познания объективной истины является самостоятельным и одним из наиболее ответственных этапов следственной работы» [4, 28]. Данное высказывание выпадало из традиционной концепции взглядов на версию, которые сложились у криминалистов к тому периоду времени. Поэтому, первым, кто возразил А. А. Пионтковскому, был А. Н. Колесниченко. Он подчеркивал, что единство процесса мышления в форме гипотезы, включающего накопление и изучение фактического материала, высказывание предположений о причинах и иных связях, выведение из них следствий и проверку, есть единый процесс и его нельзя разделить на две части, отнеся первые два момента к версии,

а третий — к планированию [5, 165]. Этот же период времени ознаменован появлением в исследованиях терминов «судебная версия» [6], «следственная версия» [7, 120; 8, 110], обоснованием взглядов на версию как разновидность гипотезы, новыми определениями понятия версии [8, 110; 9, 41; 10, 13; 11, 13] и их классификациями [9, 40; 11, 14]. Эти авторы, также как и Братковская В. В., другие криминалисты, не отрывают теорию версии от теоретических положений планирования расследования и рассматривают их как единое теоретическое построение. Между тем, на заседаниях Совета ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР в 1955 году высказывались мнения о разработке самостоятельной теории версии как раздела криминалистики, но тогда возобладала точка зрения А. Н. Васильева — «разработка проблемы следственных версий может быть плодотворной только в сочетании с вопросами планирования, так как само планирование тесно и органически связано с выдвиганием и проверкой версии» [12, 151]. Однако, в 1959 году Г. Н. Александров опубликовал статью «Версия» где обосновал свои взгляды на эту криминалистическую категорию и необходимость создания самостоятельного раздела криминалистики — учения о версии [13]. В тот период времени данные взгляды поддержки не получили, но анализ специальной литературы проблематики вопроса (прошлого и современного периода развития криминалистики) свидетельствует о том, что авторы неизменно связывают проблемы версии с планированием расследования, как в теории, так и на практике, а это закономерно приводит к выводу: разработка вопросов версии неизбежно влечет за собой разработку аспектов планирования (а не наоборот), то есть «учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования» [14, 483]. За последние десятилетия вопрос криминалистической версии исследовался достаточно подробно и разносторонне.

Изложение основного материала. В настоящей статье мы не станем утомлять читателя приведением имен известных ученых, которые посвятили проблематике вопроса свои исследования, специалистам они хорошо итак известны. Беглый исторический экскурс нам понадобился для того, чтобы еще раз обратить внимание на значение необходимости дальнейшего развития криминалистического учения о версии и планировании, как одном из важнейших методов и средств предварительного расследования преступления и судебного разбирательства по уголовному делу. Далее мы намерены предпринять попытку обоснования понятия, которое не встречается в исследованиях различных аспектов криминалисти-

ческой версии. Это понятие — «*версия следственного действия*». В процессе подготовки материалов к данной статье мы не обнаружили в специальной литературе определения понятия версии следственного действия, которое, на наш взгляд, может быть полезным практике предварительного расследования. Предпримем попытку его обоснования и определения. Исходным моментом в данном вопросе будет понятие криминалистической версии. Оно является родовым для искомого определения. Мы склоняемся к мнению Р. С. Белкина, что криминалистическая версия — это обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающее на наличие или объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание и служащее целям установления объективной истины [14, 493]. Очевидно, что это определение имеет прикладное значение для предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу как элементов уголовного судопроизводства. Следственное действие — элемент системы досудебного производства, преимущественно предварительного расследования преступления. Поэтому определение версии следственного действия мы будем обосновывать для прикладных целей предварительного расследования. Следственное действие в процессе реализации следователем имеет следующие общие цели: получение доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации, подтверждение факта ранее выдвинутой версией, проверка версии, установление причин и условий, способствующих совершению преступлений. Эти цели подразумевают конечный результат следственного действия, так сказать, формирование на его основе источника доказательств по уголовному делу. Этот источник, закрепленный следователем в процессуальной форме — протоколе, никак не связан с процессом проведения следственного действия, то есть с криминалистическим механизмом достижения следователем этих целей. Данный же механизм, как свидетельствует практика, представляет собой сложную систему действий следователя, его тактическое построение, оптимальная реализация которого обеспечивает эффективность в достижении конечной цели следственного действия — формирования на его основе полноценного источника доказательств. Данный тезис справедлив для любого следственного действия, предусмотренного действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Как в процессе подготовки, например, к допросу следователь должен разрабатывать определенные варианты (версии) своего поведения

на случай изменения его ситуации, в силу возникновения тех или иных объективных и субъективных обстоятельств, так и возможные изменения ситуации при производстве других следственных действий без непосредственного вербального контакта следователя и участника следственного действия должны быть учтены и при необходимости оптимизированы (в соответствии с версиями) в целях увеличения результативности данного действия. Последняя часть тезиса означает, что изменение ситуации, например, в процессе осмотра места происшествия должно предполагать наличие у следователя соответствующей версии осмотра на тот случай, когда определенный в начале данного действия алгоритм поведения следует изменить для увеличения его результативности. Тактическое построение следственного действия мы относим к важному существенному признаку понятия версии следственного действия. По существу это алгоритм линии поведения следователя «привязанный» своим содержанием к оценке ситуации, в которой данное следственное действие проводится. Вместе с тем, этот алгоритм должен быть его «домашней заготовкой», то есть заранее, на подготовительной части следственного действия, спланированной линией поведения следователя. В зависимости от сложности следственного действия, личностей его участников, других обстоятельств предварительного расследования таких «заготовок» должно (может) быть несколько, что, разумеется, не лишает следователя возможности творческой импровизации, в «непросчитанных» ситуациях предварительного расследования. В основе содержания тактического построения лежит тактический прием (тактическая комбинация). С учетом постоянного мониторинга и оценки ситуации следственного действия, своим применением тактический прием (тактическая комбинация) рассчитан на достижения целей, которые определил следователь. Понятия ситуации следственного действия в криминалистике нет. На наш взгляд, для того, чтобы определить его для содержания (процессуальный и криминалистический аспект) следственного действия следует экстраполировать на его понятие группы компонентов (условий) следственной ситуации, определенные Р. С. Белкиным, естественно, в их видовом приложении к следственному действию [14, 631] Итак, что же собой может представлять ситуация производства следственного действия, из оценки каких условий должен исходить следователь применяя то или иное теоретическое построение для проведения следственного действия и достижения поставленной ему цели? Во-первых, это компоненты психологического характера. Для вербальных

(с участниками, дающими показания) и невербальных следственных действий они отличны, так как включают оценку результата возможного конфликта между следователем и противостоящим ему лица, собственную оценку следователем своих психологических свойств и т.п. факторы. Во-вторых, компоненты информационного характера: осведомленность следователя об обстоятельствах преступления, возможных доказательствах и возможностях их обнаружения, местах сокрытия искомого и пр., осведомленность противостоящих следователю и иных проходящих по делу лиц, о степени информированности следователя и свидетелей, об обнаруженных и необнаруженных доказательствах, о намерениях следователя и пр. обстоятельствах. Компоненты процессуального и тактического характера относятся к третьей группе условий, влияющих на оценку ситуации следственного действия. К ним относится состояние производства по делу, возможность избрания меры пресечения, изоляции друг от друга проходящих по делу лиц и т.д. Четвертым компонентом, рассматриваемой криминалистической категории являются материальные и организационно-технические условия производства следственного действия (возможность мобильного маневрирования наличными силами и средствами, наличие средств передачи информации из учетных аппаратов органов внутренних дел и пр.). Таким образом, на основе аналитической оценки данных условий, ситуацией проведения следственного действия можно называть обстановку, в которой осуществляется следственное действие, где доминирующей является информационная компонента. Правда, определяя свои взгляды на содержание следственной ситуации, Р. С. Белкин отметил, что сочетание этих компонентов (условий), составляющее содержание следственной ситуации, есть результат воздействия факторов, влияющих на ее формирование, но оценка сложившейся следственной ситуации и принятие на основе такой оценки тактического решения в понятие и содержание ситуации не входят [14, 631]. Полагаем, вторая часть данного тезиса является актуальной для версии следственного действия и ее необходимо включать в содержание этого понятия. В ходе следственного действия следователь должен постоянно проводить оценку ситуации его проведения, а при ее изменении оперативно принимать тактические решения об использовании другой версии следственного действия с новым тактическим построением. То есть он должен использовать другую, более оптимальную версию его производства, когда оценкой ситуации установлено, что прежняя версия не обеспечит достижения поставленной

следственному действию цели. Таким образом, наряду с тактическим построением, ситуационный подход к производству следственного действия является следующим существенным признаком понятия версии следственного действия. Остался не исследованным еще один вопрос относительно того, какой субъективный фактор является доминирующим при построении следователем версий следственного действия, при условии, если исключить типичные версии, например, подозреваемый будет давать правдивые показания, подозреваемый откажется от дачи показаний и пр. Мы имеем в виду более сложную систему отношений следователя как творческого субъекта доказывания и главного участника стадии предварительного расследования преступлений, когда отсутствует необходимость решать тактические задачи по примитивному алгоритму следственной деятельности. На наш взгляд таким субъективным фактором, практически не исследованным в криминалистике, является следственная рефлексия. Данного вопроса касался только А. Р. Ратинов [15, 185-197]. В приложении к предварительному расследованию его теоретическое исследование было бы достаточно полезным. В психологии рефлексия это умственная активность субъекта, концентрирующаяся на определенном содержании сознания инстинкт и влечение, включающие в себя поиски смысла. Она характеризуется как обращенность сознания назад или к внутреннему миру, при которой вместо непосредственной, немедленной и непреднамеренной реакции на объективные стимулы в «дело» вступает психологическое размышление. В результате подобного размышления как следствие свободной мысли возможны весьма индивидуализированные и относительные ответы. Рефлексия дает толчок серии внутриспихических образов еще до того, как принято само действие. С помощью рефлексивного инстинкта стимул становится психическим содержанием, опытом, посредством которого становится возможным преобразовать естественный процесс в осознанный и созидающий [15, 131-132]. Несколько сложно, а если этот тезис упростить, то рефлексия, хотя и инстинктивна, но выступает как процесс сознательный, предполагающий использование воображения при принятии решений и последующего действия. Предметно-рефлексивные отношения следователя в процессе построения версий для такого следственного действия, как, например, допрос могут быть выражены отображением допрашиваемого в следующей схеме: каков этот субъект в действительности; как этот субъект оценивает сам себя; каким, с позиции этого субъекта, он видится окружающим. В соответствии с ответами на эти вопросы и могут быть выстроены версии допроса.

Выводы. Таким образом, искомое понятие — версия следственного действия, на наш взгляд содержит следующие существенные признаки: 1) теоретическое построение; 2) ситуация следственного действия; 3) рефлексия следователя. Следовательно, ее можно определить как основанное на рефлексии следователя ситуационное тактическое построение, линию его поведения с целью установления криминалистически значимой информации в расследовании преступлений.

Литература:

1. Криминалистика. — М., 1935. — 211 с.
2. Шавер Б. М. Криминалистика / Б. М. Шавер, А. И. Винберг. — М., 1940. — 189 с.
3. Настольная книга следователя. — М., 1949. — 567 с.
4. Пионтовский А. А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики / А. А. Пионтовский // Советская криминалистика на службе следствия. — М., 1955. — Вып. 6. — С. 27-31.
5. Колесниченко А. Н. Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений / А. Н. Колесниченко // Ученые записки Харьковского юридического института. — Харьков, 1957. — Вып. IX. — С. 163—169.
6. Никренц О. В. Судебная версия как разновидность гипотезы : автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук / О. В. Никренц. — М., 1954. — 21 с.
7. Теребилов В. И. Разработка следственных версий и планирование следствия / В. И. Теребилов // Расследование убийств. — М., 1954. — 191 с.
8. Теребилов В. И. К вопросу о следственных версиях и планировании расследования / В. И. Теребилов // Советская криминалистика на службе следствия. — М., 1955. — Вып. 6. — С. 109—114.
9. Васильев А. Н. Общие вопросы планирования предварительного следствия / А. Н. Васильев // Планирование расследования преступления. — М., 1957. — 78 с.
10. Голунский С. А. Планирование расследования / С. А. Голунский // Советская криминалистика на службе следствия. — М., 1958. — Вып. 10. — С. 9-14.
11. Шляхов А. Р. Планирование предварительного следствия / А. Р. Шляхов. — М., 1957. — С. 67.
12. Васильев А. Н. О тактике следствия / А. Н. Васильев // Советская криминалистика на службе следствия. — М., 1956. — Вып. 7. — с. 147 — 154.
13. Александров Г. Н. Версия / Г. Н. Александров // Социалистическая законность, 1959. — №10. — С. 18-24.
14. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов / Р. С. Белкин. — 3-е изд., дополненное. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. — С. 837.
15. Ратинов А. Р. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике / А. Р. Ратинов // Правовая кибернетика. — М. : Наука, 1970. — С. 185-197.
16. Зеленский В. В. Словарь аналитической психологии / В. В. Зеленский. — М., 1997. — С. 131—132.

Комаров І. М. До питання про поняття версії слідчої дії в розслідуванні злочинів

Анотація. У даній статті надається короткий теоретичний аналіз основних етапів розвитку криміналістичного вчення про версію попереднього розслідування злочинів, розглядається питання про версію слідчої дії як один із способів вирішення слідчим його (слідчої дії) тактичних завдань.

Ключові слова: криміналістична версія, слідча дія, попереднє розслідування, ситуація слідчої дії, оцінка умов, планування, криміналіст.

Komarov I. M. The question is about the system of proving process in criminal legal proceedings

Summary. In the present article the short theoretical analysis of the basic stages of development criminalistics doctrines about the version of preliminary investigation of crimes is given, the question on the version of investigatory action as one of ways of the decision by its inspector (investigatory action) tactical problems is considered.

Key words: criminalistics version, investigatory action, preliminary investigation, a situation of investigatory action, an estimation of conditions, planning, the criminalist.